

Елатьма

Исторический очерк.

И.В. Грачева

Нынешний поселок Елатьма в древности был городом, называвшимся Елатом и созданный мещеряками и мордвой. Местные легенды повествуют, что свое наименование он получил по имени княгини Елатомы, некогда возглавлявшей мещерские племена. Лингвисты же связывают этот топоним с финно-угорскими наречиями, из которых развивались затем мордовский и марийский языки. Смысл названия, возможно, был такой: выжженное, расчищенное от леса место, пригодное для жилья. В XIV веке московские князья купили город у мещерского князя Александра Уковича. В официальных документах Елатьма впервые упоминается в 1381 году в договорной грамоте между Московским князем Дмитрием Донским и Олегом Рязанским. В 1426 году при великом князе Василии Темном, Елатьма была передана вотчинникам Протасьевым. О ее историческом прошлом напоминают сохранившиеся остатки древнего городища, насыпей и рвов. Городок русского пограничья постоянно жил под угрозой опустошительных набегов: в мещерский край то и дело вторгались то крымские и казанские татары, то ногайцы. Так, например, в 1537 году с огромным войском прошел по Руси крымский царевич Сафа-Гирей, занявший казанский престол. Летопись рассказывает: Царь Казанской (...) под Муром приходил, посады под Муромом и сел и деревень пожег, от Муромы и до Новагорода воевал" (имелся в виду Нижний Новгород). Соединенные дружины муромцев, владимирцев и рязанцев пытались оказать сопротивление, в их числе были и елатомцы: "И ходил за царем из Елатьмы князь Михайло Кубенской". Сафа-Гирей ограбил и сжег множество селений и увел с собой большое количество пленных. Зато зимой 1550 года рязанские и мещерские воеводы дали сокрушительный отпор ногайским мурзам, которые "пришли войною (...) со многими людьми на Мещерские места и на Старую Рязань". Летопись уточняет: "А из Елатьмы воеводы: князь Константин Иванович Курлятаев, да Семен Шереметев, да Степан Сидоров во многих местах Нагай побили". Врагов преследовали "до Шатцких ворот", и даже сама природа была против них, наслав "снеги великие да морозы, и позябли многие".

В начале XVII века Елатьму хотел прибрать к рукам касимовский царь Арслан Алеевич, прося московского государя пожаловать ему этот город в удел. Но жители дружно воспротивились, отправив челобитную патриарху Филарету, отцу царя Михаила Романова. Елатомцы доказывали, что "они из покон веков не за кем не были". Расчет на то, что Филарет повлияет на решение сына, вполне оправдался. В документах говорилось, что Арслана "государь пожаловал одним елатомским кабаком, а посацкие люди ему не даны и не дадут".

В конце XVI-XVII веков елатомские наместники принимали активное участие в большой политике. В 1637 году к польскому королю Владиславу отправилось посольство во главе которого стоял елатомский наместник князь С.И. Шаховский. Государев указ гласил: "говорите тебе, послу, панам – раде об умалении в письмах государева титула, о межевых делах и пленных российских людях". Шаховский сообщал, что поляки приняли их с большим почетом. Сам пан Вишневецкий, правая рука короля, выехал встречать их за версту от Варшавы. Поместили послов в богато убранных палатах, обед подавали в "мисах серебряных", угощали фряжскими и венгерскими винами. Но во время аудиенции

случился инцидент, показывающий, как ревностно стоял князь за честь своей земли. К нему прошел подканцлер, чтобы принять царскую верительную грамоту. Но Шаховский наотрез отказался ее отдавать, заявив: "Любительскую государственную грамоту достойно принять самому королю". Упрямый князь настоял на своем, король Владислав сам принял свиток из его рук и снял с него печати. С честью, выполнив посольскую миссию, Шаховский вновь вернулся к обязанностям елатомского наместника.

Довелось служить в Елатьме и предкам А.С. Пушкина. В конце XVI века елатомский наместник Е.М. Пушкин участвовал в посольстве, направленном к шведам для заключения мира. В 1644 году к польскому королю Владиславу для подписания мирного договора выехало посольство, которое возглавил князь А.М. Львов. Его помощником назначили очередного елатомского наместника, думного дворянина Г.Г. Пушкина. Пушкин оказался с гонором и счел унижительным для себя быть в "товарищах" у Львова, происходившего из захудалой ветви ярославских князей. Львов в свою очередь подал жалобу, что Пушкин его "бесчестит", и тот по царскому указу был посажен в тюрьму. Одумавшись, он все же принял назначение. Выяснилось, что ему не чем особенно кичиться, кроме "породы", так как его материальное положение было далеко не блестящим. Пушкину из казны выдали 680 рублей на поездку, но он униженно бил челом в Посольский приказ, сетуя на свою "худость" и стесненность в средствах и прося дополнительную сумму. Однако разжалобить приказных не удалось, ему добавили всего лишь 40 рублей. Послы должны были выполнить и иное задание, требующее большой смекалки и осторожности: "тайно проводывать" о взаимоотношениях Польши с другими государствами и о том, как относятся к Владиславу его ближайшие соседи. Так елатомский наместник стал разведчиком. Вместе с наказами, касавшимися политических дел, послам дана была строгая инструкция насчет этики поведения: "А за столом у короля, буде позовет, сидеть вам вежливо, чинно и остерегательно (...) и зело не упираться и слов дурных меж собою не говорите и в брань не входите (...) а бражников и пьяниц, кои ведомы, на королевский двор и вовсе не имати". Мирный договор с Польшей в Москве восприняли как большой внешнеполитический успех. По возвращении послов милостиво принял сам царь Михаил Федорович и щедро наградил их. Пушкин получил атласную шубу, памятный кубок и чин окольничего. В 1646 году он в составе русского посольства ездил в Швецию. Целью поездки было подтверждение прежнего договора, согласно которому достоянием России являлись Великий Новгород, Старая Русса, Ладога, Гдов с уездами в другие города. По возвращении Григорий Гаврилович был пожалован в бояре, первым в роду Пушкиных заслужив столь высокий чин. Он сделал блестящую карьеру. В 1650 году уже сам возглавлял делегацию, направленную поздравлять нового польского короля Яна-Казимира по случаю его вступления на престол. Вплоть до 1654 года ведал государев Оружейный приказ и Золотую и Серебряные палаты, оставив эти почетные должности незадолго до смерти (1656).

В XVIII веке, когда начала создаваться новая система территориального административного деления, положение Елатьмы оказалось крайне неустойчивым. В 1708 году она числилась в составе Казанской губернии, в 1719 – принадлежала к Шацкой провинции Азовской губернии, которая в 1725 году в свою очередь была преобразована в Воронежскую. В 1722 году Елатьму приписали к Касимову, вместе с ним в 1778 году она была передана Рязанскому наместничеству, но уже в следующем году оказалась в составе Тамбовского наместничества. И только в 1923 году Елатьма вновь была возвращена Рязани.

В 1722 году останавливался Петр I, отправлявшийся в Персидский поход. Его пребывание запомнилось местным жителям тем, что царь незамедлительно отреагировал на жалобу крестьянина Антона Иванкова и распорядился отправить старосту – вымогателя Родиона Никитина, притеснявшего крестьян, в каторжные работы навечно. В эпоху Петра I здесь возникает парусное, канатное и стеклянное производство, ставшее в XVIII веке основой местной промышленности. В Елатье находятся склады и одна из контор купцов Строгановых, торговавших солью и хлебом. Особенно славилась елатомская мука, отличавшаяся белизной и высоким качеством. В это время Елатья в своем экономическом развитии опережала даже соседний Касимов, что сказалось и на ее внешнем облике. Голландец Корнелий де Бруин, плывший по Оке, в своем путевом дневнике отмечал, что в Касимове "все дома деревянные, точно так же, как и находящиеся в нем четыре церкви", главная площадь – "очень плоха. Каменной была лишь мечеть с минаретом да Георгиевская церковь на дальней окраине, которую путешественник не видел. Зато Елатья произвела на него более приятное впечатление: "Город этот стоит на вершине горы и значительно продвигается внутрь страны (...). Он довольно обширен, с восемью церквями, и несколько каменных домов его расположено вдоль левого берега реки. Он окружен многими деревнями, а частью лесом, и представляет с обеих своих сторон довольно красивый вид". Когда при Екатерине II утверждались гербы уездных городов, символом Елатьи стало изображение серебряного паруса с золотыми веревками, что должно было указывать на главенствующую роль парусного и канатного производства в жизни городка.

Но в то же время Елатья в XVII-XVIII веках приобрела славу мятежного города. Когда в XVII веке началось восстание И. Болотникова, из Мурома в Москву было послано донесение, что "и Касимов, и Елатья (...)своровали", изменили царю Василию Шуйскому, поддержали повстанцев и с ними "на Муром хотят приходить войной". В Елатомском уезде монастырские крестьяне самовольно захватили земли, принадлежавшие Андреяной пустыне, и уничтожили все царские грамоты, закреплявшие за монастырем права его собственности. Во времена Рязанского и Пугачевского восстаний в елатомской округе так же вспыхивали мятежи. В 1774 году елатомский купец А. Болотин, разъезжавший по торговым делам сообщал князю М.И. Голицыну о том, что окрестные крестьяне встречают пугачевских повстанцев с хлебом – солью и колокольным звоном, дворяне же, даже не помышляя о сопротивлении, покидают свои усадьбы и разбегаются кто куда. Под Елатьмой пугачевцы разорили стеклянную фабрику Коржевиных. На реке близ города неведомые люди нападали на проплывающие купеческие суда и грабили их. Тут уж вовсе нельзя было разобрать, действуют ли это соратники Пугачева или просто – разбойные шайки, воспользовавшиеся общим беспорядком. Характерно, что на сторону Пугачева нередко переходили представители низшего духовенства, и даже небогатые купцы. После подавления восстания, когда началась расправа с его участниками, в документах 1775 года появилось имя "города Елатьи купца Михайлы Кирпишникова". Ему грозила смертная казнь, но он был "по высочайшей конфирмации назначен к отсылке на Колывано-Воскресенские заводы в работу навечно". Причем в указе подчеркивалось, "чтоб был над ним присмотр, дабы он к дерзким поступкам, так же и к побегам не был склонен". Кирпишников до конца дней содержался в остроге Змеино-горского рудника и на ряду с другими работниками молот на ручном жернове крупы и муку. Он принадлежал к старообрядцам и не расставался с Библией, которую читал в

редкие минуты, свободные от работ. Этот пример для рязанского края не единичен. Известно, что на стороне пугачевцев сражался и участвовал в погромах дворянских усадеб кадомский купец Трофим Евсеев.

В конце XVIII века в Елатье проживало около 2000 душ мужского пола. Основную часть составляли мещане, меньшую – купцы, мастера, чиновники, редко – дворяне. В 1787 году, когда Тамбовское наместничество возглавлял Г.Р. Державин, здесь открыли уездное училище. Архивные документы, характеризующие быт елатомского уезда конца XVIII – начало XIX века, свидетельствуют, что были здесь и личности, надолго запомнившиеся своим лютым нравом, но были и те, кого одни современники именовали чудаками, другие же почитали за праведников.

Литератор XIX века И.И. Дубасов, знакомя читателей со следственным делом богатого елатомского дворянина А.М. Кашкарова, главная вотчина которого находилась в селе Беседки, писал: "Имя его, прославлено крайнею жестокостью к крепостным и самым необузданным цинизмом в разврате, и донныне слишком памятно всем жителям (...) Помещик Кашкаров был тем тяжелее для своих крестьян, что ему совершенно симпатизировала жена его Е.М. Кашкарова, не отстававшая от своего мужа в разных истязательствах и мучительствах". Недаром ее прозвали "второй Салтычихой". Дворяне жили в вечном страхе, не зная, как угодить своим свирепым владельцам. На следствии они показали: "Барин был не в духе, он сек с досады; барин был весел - для потехи драл". Повара то и дело водили сечь на конюшню: то суп пришелся не по вкусу господам, то ботвинье, по их мнению не доставало луку... Слово бросая вызов основам христианской морали, Кашкарев сек одного крестьянина 16 раз во время Великого поста, каждый раз давая по 100 ударов. А в первый день Пасхи, во время праздничной обедни он устроил на своем дворе кровавое "причастие", безжалостно перепоров прислугу. Селяне работали на барщине пять дней в неделю, не исключая церковных праздников. Когда Кашкаров приезжал в свои деревни, женщины и дети в ужасе бежали прятаться в коноплю и окрестные овраги. Особенно это касалось деревенских девушек, до которых владелец был большой охотник. "При таком порядке вещей неудивительно, что многие крепостные Кашкарова охотно шли в солдаты", - писал Дубасов, прибавляя: "Замечательно, что местное дворянство относилось к Кашкарову весьма сочувственно и даже, по мере сил, вступалось за него". Безнаказанность же поражала пушций произвол. Когда слухи о том, что твориться в елатомском имении, дошли до Петербурга и шеф жандармов А.Ф. Орлов в 1845 году нарядил следствие, оказавшийся под домашним арестом помещик с перепугу сначала чуть не отравился, затем пытался подкупить следователей и наконец сумел скомпрометировать их, обвинив в вымогательстве, и добился их замены. Однако и новая следственная комиссия не склонна была закрепить зашедшие слишком далеко помещичьи злоупотребления. Кашкаровых выслали на жительство в Тамбов под надзор полиции, а деревни передали в опеку. Сын Кашкаровых продолжил недобрые семейные традиции. От него доставалось уже не только крепостным, но и его супруге, о которой дворяне свидетельствовали: "Барыня у нас смиренная, и никто не слышал от нее дурного слова". Кроткий характер не спас молодую женщину от постоянных мужниных истязаний. Уже через неделю после свадьбы, всплыв за чайным столом из-за какого-то пустяка, Кашкаров опрокинул на жену самовар с кипятком. Став косвенной причиной смерти своего только что родившегося ребенка, помещик даже не явился в церковь на его отпевание. Зато привел к безутешно рыдавшей супруге дворового малыша, рожденного от его связи с крепостной девкой,

предложив заменить им утраченное дитя. Вскоре жена сбежала от Кашкарова и обратилась с прошением о заступничестве в Петербург. Имение вновь взяли в опеку.

Полной противоположностью Кашкаровым был елатомский помещик А.А. Ушаков, имевший в селе Изтлееве и окрестностях 600 крепостных душ. Сочувствуя гуманным идеям русского просветительства, он запретил телесные наказания для крестьян и заботился, чтобы барщина не стала для них слишком обременительной. Его три сына, служившие в разных полках, усвоили там совсем другие жизненные принципы. Когда они вышли в отставку и вернулись под отчий кров, в имении разыгрался драматический конфликт "отцов и детей", только в данном случае дети оказались гораздо консервативнее своего идеалиста – отца. Молодые наследники принялись хозяйствовать с помощью традиционного кнута, беспрестанно гулявшего по спинам крепостных. Отец, видя, что его увещевание бессильно, решился на крайнюю и необычную для того времени меру. Он написал к министру В.П. Кочубею, что его сыновья слишком испорчены сословным эгоизмом, и просил поддержать его решение: "Учиня крестьян моих свободными, утверждаю все мои земли с угодьями в вечное их владение". Освобожденные от крепостного ига 600 душ с передачей в их полное пользование пахотных земель, лесов и лугов было беспрецедентным случаем. Даже крестьянская реформа 1861 года не пошла так далеко. Сыновьям же Андрей Алексеевич вручил по несколько скопленных тысяч и предложил определиться на службу. Отец заявил: "Пусть узнают они, что такое долг, тогда ко всем людям они лучше относиться будут".

Вошел в легенды и елатомский чиновник Потапович. Если обыкновенно представление о чиновничестве ассоциировалось с казнокрадством, вымогательствами, взятками, то Потапович оказался на редкость честной и симпатичной личностью. Он признался, насколько тягостно ему в привычной для других среде: "Служа в статской службе, я сам себе делал вопрос, какая польза от этой службы, и не мог решить этого". Он искренне мечтал посвятить себя благу Отечества и служить "с благородными людьми, которые имеют такие же привила". Курьезно, что местные чиновники сочли такие рассуждения явным признаком сумасшествия и добились медицинского освидетельствования. Однако к их глубокому разочарованию медики объявили, что умственные способности Потаповича в полном порядке.

Елатомское купечество слыло зажиточным и предприимчивым. Одним из ярких представителей местной торгово-промышленной среды конца XVIII века, являлся купец второй гильдии Ф.И. Семизоров, владелец серно-купоросного и лакокрасочного заводов. Стараясь из всего извлекать выгоду, не брезговал он и мелкой поживой, давая процентные ссуды под заклады. Например, мещанин А. Попов заложил ему самое ценное, что нашлось в его хозяйстве: столовое серебро (поднос, 7 стаканов и 4 чарки), а так же парадную душегрейку и юбку своей супруги (должно быть, к немалому огорчению последней). Внушительная усадьба Семизоровых располагалась в центре города на Троицкой улице, в приходе Троицкой церкви. Высокий забор скрывал интимную жизнь купеческого семейства от посторонних любознательных взглядов. На подворье вело трое массивных ворот, сделанных не без некоторого щегольства из разных пород дерева. На дворе помимо купеческого особняка находилось два флигеля, два амбара и домашняя банька. Родниковую воду для хозяйственных и банных нужд брали из двух колодцев, вырытых тут же, на территории усадьбы. Так как успешная купеческая деятельность требовала постоянных разъездов, хозяин

держал в конюшне 5 лошадей, а в двух каретных сараях хранились "средства передвижения", приспособленные к различным погодным условиям и особенностям провинциальных российских дорог: 6 саней, 2 летние повозки, 2 дрожки, 2 телеги. Такому разнообразию позавидовал бы и помещик. Купеческий дом по меркам маленького глубинного городка выглядел солидно: в нем было 8 комнат и 2 кладовые. Рязанский исследователь-архивист Д.Ю. Филиппов, разыскавший и опубликовавший сведения об имущественно положении Семизоровых, отмечал, что в их доме патриархальная старина соседствовала уже с европейскими новинками. Федор Иванович, как и большинство купцов, демонстративно выставлял на показ свою истовую религиозность. Гость, переступавший порог его парадных горниц, наверняка ахал от изумления. Филиппов писал: "Красный угол в доме елатомского купца Ф.И. Семизорова вполне сравним с церковным иконостасом: в нем насчитывалось более 40 образов, почти все были украшены серебряными ризами и венцами". По стародавним домостроевским традициям одежду и домашние вещи хранили в тяжелых, кованых железом сундуках. Но спать купеческое семейство предпочитало уже не на лавках, а по-европейски – на кроватях. Судя по описи, горницы Семизоровых украшали большие зеркала, "ковёр шерстяной узорчатый" и "часы стенные в футляре". Часы в то время в отдельной от столицы глуши считались большой редкостью. Недаром чиновники-писцы оценили их в 5 рублей, а карманные хозяйские "часы с волосяной цепочкой" – в 8 рублей, в то время как за три деревянных кровати положили всего лишь 1 рубль 50 копеек, а за все содержимое хозяйского курятника (21 птицу) – 1 рубль 5 копеек.

Не чужд был хозяин и эстетических запросов: на его окнах красовались цветочные горшки. Но главной диковинкой, необычной для провинциального купеческого мира того времени, являлась небольшая художественная коллекция: "семь разных портретов да одна картина", а так же "два каменных и пять деревянных портретов с позолотой", "лев каменный" и т.д. Вероятно, деревянные скульптуры – это творение местных резчиков – умельцев, а вот каменные бюсты и льва, купец, скорее всего, приобрел во время дальних поездок. Скучность и бессистемность этого собрания свидетельствуют о том, что толстосум-заводчик вовсе не был знатоком и ценителем искусства. Он лишь старался подражать дворянским вкусам и вести свой дом "на барскую ногу", явно претендуя на элитарную роль в своем городке. А потому, не давая различия между коллекцией произведений искусства и кунсткамерой, он заполнял свои горницы всем, что представлялось ему необычным и могло поразить воображение его неприятельных соседей. Чиновники, составлявшие опись, наверное, с немалым удивлением разглядывали "в футляре под стеклом птичьего чучела". Впрочем, к птицам сентиментальный купчина питал особую слабость. Он принадлежал к породе "охочих людей" – любителей домашних певчих птиц. Это специфическое увлечение в XVIII – XIX веках процветало в кругах купечества и зажиточного мещанства. Страсть охотничьего азарта и восторги, доходящие до экстаза, переполняли души любителей, готовые немалую сумму выложить ради заветной звонкоголосой пташки, отличавшейся чересчур замысловатыми трелями. В семизоровских комнатах, услаждая хозяйский слух, перекликались в клетках скворец, два соловья, три канарейки и три перепелки. Что же касается книг, то в доме водилась только одна – приходно-расходная. Зато любил хозяин всласть почаевничать. Помимо медного большого самовара, у него было несколько чайников (из них два фаянсовых заварочных), дюжина фарфоровых чашек, тридцать хрустальных с позолотой стаканов, сахарница и даже серебряная

сеточка для процеживания чая. А столовой серебряной посуды набралось более 6 фунтов весом.

О суровой житейской прозе говорит указанный в описях внушительный набор: "три ружья", "два пистолета", "один мушкатант". Видимо, не только в дороге, но и в собственном доме купец не чувствовал себя в безопасности без надежного оружия. Жестокие уроки недавнего Пугачевского восстания заставляли богатых местных богатеев постоянно быть начеку. Развлечением, уставшему от деловых забот, елатомскому купечеству служила охота, благо, богатейшие мещерские леса давали для этого большой простор. Семизоров так же был склонен к охотничьим потехам. На это указывали и "охотничий нож", и "медвежья невыделанная шкура", и заветный охотничий талисман – "рысий ноготок с серебряной оправою".

Гардероб Семизорова разнообразен. Это был своего рода щеголь, одевавшийся, однако в зависимости от того, в каком кругу ему предстояло общаться. Для общества патриархальных толстобородых торгашей, их плутоватых приказчиков хозяину служили 8 кафтанов и 15 камзолов. Для деловых предпринимательских и чиновничьих сфер – 5 сюртуков. Но в исключительных торжественных случаях он являлся по-светски – во фраке. В конце XVIII века в мещерской глуши купец, одетый во фрак с модным шелковым жилетом, представлял весьма необычную картину. Кроме того, любя барственный домашний комфорт, он носил шелковые халаты. Вкусы жены его были более консервативны. Она по старинке красовалась в кокошниках: попроще – служили для повседневного обихода, богатые – для праздников. Один из них, из красного бархата, был расшит золотыми узорами, другой, щедро унизан жемчугом и драгоценными камнями. Последний составлял немалую ценность, и купчиха даже завещала его в качестве вклада на помин души в местную Благовещенскую церковь. Дополнением к праздной парчовой душегрейке, расшитой золотом, служила юбка "французского штофу". Традиционной одеждой женского купеческого наряда были большие платки. Екатерина Семизорова носила разнообразные платки: бумажные, тафтяные, штофные. Среди них самый дорогой – персидский – наверняка являлся предметом зависти елатомский модниц. Кстати, у ее мужа помимо обычных кожаных бумажников был один "атласный вышитый золотом". Скорее всего, его изготовили руки заботливой супруги, преподнесшей муженьку именинный подарок.

К дому Семизорова примыкал большой сад с плодовыми деревьями. В то время сады разводили не только для утех летнего отдыха, но и для хозяйственных нужд. Каждых состоятельный дом снабжал себя хмельными напитками, сделанными по собственным, "фамильным" рецептам. Привозное вино было дорого, да и не доходило до глубинки. Сырьем для домашних вин служили яблоки, сливы, садовые и лесные ягоды. И в амбаре Семизорова так же стояли бочонки с яблоневыми и ягодными наливками.

Елатомское купечество было тесно связано с касимовскими деловыми и семейными узами. Так, жена Семизорова приходилась сестрой богатейшему касимовскому купцу Ф.С. Полежаеву. А влиятельный касимовский промышленник В.Д. Барков выдал свою дочь за елатомского купца М.В. Полежаева. Показателем расцвета торгово-промышленной жизни Елатымы в XVIII – начале XIX века стал целый "букет" церквей, выстроенных местным купечеством. При одной из них – Рождества Богородицы – в качестве ценной древней реликвии хранился колокол, подаренный городу Иваном Грозным после победоносного Казанского похода. К середине XIX века здесь было 11 церквей, а к концу века – 14 церквей и две мечети. Из всех этих памятников в достаточно

хорошем состоянии сохранилась лишь кладбищенская церковь Всех святых (1825-1838). Она была построена в честь победы над Наполеоном и в память о русских солдатах и офицерах, служивших этой победе, но так и не увидевших ее. В тихой Елатьме в 1812 году располагался военный госпиталь. Раненые, доставлявшиеся сюда, привозили с собой будоражащие вести об очередных военных событиях. Не всем из них суждено было вернуться затем в родные места, для некоторых елатомское кладбище стало последним пристанищем. Недавно восстановлена и открыта для прихожан Троицкая церковь.

В Елатьме до сих пор функционируют торговые ряды, созданные в 1810-х годах. Проект их подписан архитектором Висконти и Ф. Русско, а составлял его "архитекторский ученик" Григорьев. В городке каждую субботу проходили большие базары, на которые съезжались местные торговцы и крестьяне. А с 1828 года начала действовать годовая Предтеченская ярмарка (с 29 августа по 4 сентября). На нее собирался народ не только из Рязанской, но и из соседних губерний. Слава о ярмарке распространилась далеко по округе, и ее торговые обороты увеличивались год от года. Если вначале они составляли свыше 17 тысяч рублей серебром, то к 1913 году достигали уже 75 тысяч. Для развлечения публики возводились гигантские качели, потешные балаганы, иногда появлялся бродячий цирк. А в месте с тем стали строиться и гостиницы, получавшие в ярмарочные дни большой доход. Немало способствовало успеху ярмарки развитие пароходства на Волге и Оке, обеспечивавшие надежную связь с богатым купеческим Нижним Новгородом. Местный парходчик А.П. Самгин имел пассажирский пароход "Дмитрий Донской" и буксирный "Владимир Храбрый". В середине XIX века в городе была уже больница с аптекой и почтой, а к концу века открылась библиотека и мужская гимназия, возник любительский театральный кружок, ставивший драматические спектакли, появились частные типографии, книжный магазин и даже – фотография и телеграфная контора. Местная интеллигенция образовала бесплатную народную читальню.

На улочках Елатьмы до сих пор сохранились старинные дома, которые много могли бы поведать о своей прежней жизни. Один из них некогда принадлежавший семье Раевских. Н.П. Раевский, служивший на Кавказе, был знаком с М.Ю. Лермонтовым. Летом 1841 года он жил в Пятигорске во флигеле дома Верзилиных, где часто бывал Лермонтов. Здесь же квартировал и Н.С. Мартынов, с которым у поэта на вечере у Верзилиных вышла ссора, закончившаяся дуэлью. Раевский оставил воспоминания о Лермонтове и о жизни пятигорского общества того времени. В деревянном, украшенном резьбой особняке с мезонином жила М.А. Попова, вдова местного купца, почетного гражданина города И.П. Попова. Мария Андреевна, урожденная княжна Кильдишева, слыла женщиной властной и предприимчивой. Она сама вела дела фирмы "Попова И.П. наследники", торговавшей бакалейными товарами, и приумножила с успехом капиталы, доставшиеся от мужа. Она давала ссуды волжским парходчикам, в заклад, забирая их суда. Так, за невыплаченные долги ей достались два буксирных парохода Ляховых. Событием для жителей Елатьмы стало появлением на улицах их города первого автомобиля, который купила Попова. Скопив огромные богатства и завоевав непререкаемый авторитет в елатомском торгово-промышленном мире. Мария Андреевна Попова, была не только умной, образованной и предприимчивой фабрикантшей-предпринимательницей, но так же и милосердной благотворительницей и попечительницей о бедных, несчастных и обездоленных. Она жертвовала и лично являлась попечительницей и благоустройщицей многих храмов, находящихся

в Елатомском уезде Тамбовской Епархии. Оплачивала образование бедным детям, желающим обучаться в местных гимназиях, по окончании которых дарила детям памятные подарки и Евангелия, подписывая их своей рукой. Попова, разумеется, никак не желала мириться с проникновением в их городок новых революционных веяний. В 1917 году она возглавила местный контрреволюционный мятеж, а после его подавления бежала из города, бесследно исчезнув. Ее до сих пор вспоминают в Елатьме и сравнивают с Вассой Железновой, героиней одноименной драмы А.М. Горького. А деревянный дом Поповой, начинающий заметно ветшать без хозяйского присмотра, ждет решения своей участи: разместят ли в нем экспозиции местного музея, отдадут ли под иные нужды или погибнет он человеческого небрежения, как погиб в Рязани особняк Хвоцинской и домик Полонского... его история пока не закончена, и хорошо бы, если бы нынешние дни оказались не самыми печальными страницами в его более чем вековой жизни.

Елатомский музей был организован в 1963 году по инициативе местного художника А.А. Александровского. Его родители переехали в Елатьму из тамбовской губернии, когда ему было 14 лет. В последствии он признавался: "Красота Елатьмы меня поразила". Увлечшись рисованием и закончив Московский техникум изобразительных искусств, Александровский остался верен глубинному русскому городку, покорившему его своей живописью. Работая учителем рисования и черчения в местной школе, он открыл художественную студию, которая обосновалась в доме Раевских. На полотнах Александровского – лица земляков, эпизоды истории Елатьмы в советские времена, лиричные пейзажи. Елатьма издавна славилась своими садами. В конце XIX века здесь насчитывалось около 900 крупных плодовых садов. Особенно хорош был город весной, весь утопающий в белом облаке яблоневых и вишневых цветов. Не случайно и в творчестве Александровского тема весеннего цветения стала одним из доминирующих лейтмотивов: "Весна в саду", "Сады цветут", "Вишни цветут", "Золотая грушовка в цвету", "Цветение" и т.д.

Иногда говорят, что в Елатьме история пошла вспять: из некогда известного города Елатьма превратилась в небольшой захолустный поселок. Но все же с веками она не растратила самого главного – потенциала человеческих талантов. Есть здесь и свои писатели, и художники, и мастера с "золотыми руками", и энергичные хозяйственники, и изобретатели-рационализаторы. Как и встарь, найдется, чем торговать. Так, добротные изделия Елатомского маслосырзавода давно заслужили признание не только у рязанцев и жителей соседних областей, но и у избалованных деликатесами москвичей. Завод старается держать марку качества, разрабатывает новые рецептуры и при всем том пытается удерживать доступные для не слишком обеспеченных провинциалов цены. А Елатомский приборный завод славится не только в России, но и за рубежом. Он создал серию уникальных медицинских аппаратов для магнитотерапии. Елатомские "МАГ"и, "АЛМАГ"и, "Веры" и др. неоднократно получали медали на международных выставках. Не даром говорят: у любого, даже самого маленького селения есть шансы на большое будущее до тех пор, пока его всем сердцем любят те, кто в нем живет.